

IŠ LIETUVIŲ IR LATVIŲ TEATRINIŲ RYŠIŲ

Stasys SKRODENIS

Kai lietuvių profesinis teatras dar tik organizavosi, latvių teatras jau dirbo visu našumu, jis turėjo senesnes gyvavimo tradicijas ir didesnę vaidybinių patirtį (1968 m. atšventė savo šimtmetį). Latviai kaip tik pirmieji 1922 m. pabaigoje pasiūlė Lietuvos Valstybės teatrui pasikeisti gastrolėmis ir pradėti artimiau bendradarbiauti meno srityje.

Lietuvos TSR valstybinės respublikinės bibliotekos Rankraštyne, Liudo Giros fonde (F7—200) saugoma penkiolika latvių literato ir kultūros veikėjo Karlio Freinbergo (1884.VII.31—1967.XI.27) ¹ laiškų, rašytų 1922—1924 m. Jie adresuoti L. Girai, kuris tuo metu buvo Valstybės teatro direktoriumi Kaune. Latvijos Nacionalinio teatro dramaturgas K. Freinbergas kreipėsi į L. Girą 1922 m. spalio 23 d., siūlydamas pasikeisti gastrolėmis tų pačių metų pabaigoje, pažymėdamas, kad „tai turėtų didžiulę reikšmę abiejų tautų susipažinimui ir kultūriniam suartėjimui“. Šią gastrolių idėją rėmė ir Nacionalinio teatro direktorius J. Rainis, pats palaikęs su Lietuva artimus ryšius, tačiau pagrindinis tos kūrybinės išvykos organizatorius ir įkvėpėjas buvo K. Freinbergas, ant savo pečių pakėlęs visą to sunkaus ir ilgo organizacinio darbo našą ².

Susirašinėjimas truko gana ilgai, kol pagaliau 1924 m. buvo susitarta su Lietuvos Valstybės teatru ir nugalėtos visos kliūtys. Viena iš svarbiausių kliūčių, vilkinusių gastroles ir iš viso trukdžiusių sėkmingam Lietuvos teatro darbui, buvo užtrukęs pastato remontas. Buvo tikimasi, kad remontas pasibaigs 1923 m. gale ir gruodžio mėnesį bus galima priimti latvių artistus. Antai „Skaitymuose“ pasirodė pranešimas, kuriame buvo informuojama, kad „pirmosios latvių gastrolės laukiamos Kaune jau šį gruodžio mėn., mūsų gi Valst. Drama pakviesta Rygon į Nac. Teatrą 1924 m. vasario mėn. pabaigai“ ³. Pusiau suremontuotame pastate (nesutvarkyti

¹Apie K. Freinbergą žr.: S. Skrodenis, Mirė Karlis Freinbergas,—„Literatūra ir menas“, 1967.XII.9.

² Apie pasirošimą toms gastrolėms ir pačias gastroles žr.: S. Skrodenis, Latvių ir lietuvių teatrų ryšiai,—„Kultūros barai“, 1967, Nr. 8, p. 65—66; K. Nastopka, Lietuvių ir latvių literatūriniai ryšiai, V., 1971, p. 236—237.

³ „Skaitymai“, kn. XXIV, K., 1923, p. 181.

scenos įrengimai) su laikinomis dekoracijomis ir primityviais šviesos įtaisais 1923 m. spalio 23 d. buvo surengtas savotiškas bandomasis koncertas teatro rūmų remonto ir rūmų darbininkams, o spalio 25 d.— visuomenei. Tačiau tokiomis sąlygomis dar buvo negalima priimti svečių, o Tilmanso teatre, kur paprastai vykdavo spektakliai remonto metu, gastrolėms trūko vietos. Jau bebaigiant remontuoti, 1923 m. lapkričio mėn. paaiškėjo, jog trūksta lėšų. Visus remonto darbus kuriam laikui reikėjo nutraukti, o gastroles nukelti į sezono pabaigą. Visus tuos vargus ir rūpesčius išsamiai nušviečia L. Giros laiškas K. Freinbergui.

Latvijos Nacionalinio teatro artistai atvyko į Kauną 1924 m. birželio 1 d. ir iki 4 dienos parodė Anos Brigaderės pasaką „Maija ir Paija“, R. Blaumanio komediją „Trynės nuodėmės“, J. Rainio „Juozapą ir jo brolius“ ir Aspazijos pjesę „Vaidilutė“. Į Lietuvą atvyko ir J. Rainis, gastrolių organizatorius K. Freinbergas, kompozitorius A. Kalninis ir kiti žymūs Latvijos kultūros veikėjai. Svečių priėmimu ir jų buitinimi rūpinosi specialus komitetas, vadovaujamas L. Giros.

Latvių artistų spektakliai turėjo didžiulį pasisekimą. Antai A. Brigaderės pasakoje patraukė ne tik gražus artistų vaidinimas, bet ir tai, „kad beveik visa lietuviams buvo suprantama“⁴. Svarbiausia, čia išryškėjo esminiai latvių kolektyvo, kaip darnaus vieneto privalumai. „Jau šis pirmas spektaklis aiškiai parodė Nacionalinį Teatrą turint svarbiausį vaidybos menui privalumą, kurį deja, ne kiekvienas ir geras teatras turi — ne tik pilnai įgudusią, bet ir giliau sąžiningą, vien tik meno sumetimais besivadovaujančią režisūrą, ko vaisiumi — tikrai ansamblinis vaidinimas, kur kiekvienas kitam tik padeda, kur visi žiūri **visumos**, iš kur tos **visumos grožio tiesa** yra vienintelis įstatymų davėjas ir keliavedys“⁵.

Prieš šį spektaklį, pradėdamas gastroles, latvių Nacionalinio teatro direktorius J. Rainis trumpai nusakė tos kelionės tikslus: „Latvių ir lietuvių menas — artimi, kaip artimos ir šios giminingos tautos, paeinančios iš vieno kamieno. Dėl istorinių ir kitų aplinkybių šios dvi tautos nutolo viena nuo kitos, diferenciacijos ir jų kalbos. Tačiau... lietuviai ir latviai gali būti visai artimi vieni kitiems. Menininkai bei dainiai tą jaučia ir prie to eina...“⁶

Ypač šiltai buvo sutikta J. Rainio pjesė „Juozapas ir jo broliai“ ir pats jos autorius, kurį spektaklio metu sveikino Lietuvių—latvių vienybės draugijos atstovai, menininkai bei kolektyvai. O jo atsakomąją kalbą pilnu-

⁴ „Lietuva“, 1924.VI.2, Nr. 123, p. 6; „Rytas“, 1924.VI.3, Nr. 124.

⁵ „Rytas“, 1924.VI.15, Nr. 134.

⁶ „Lietuvos žinios“, 1924.VI.3, Nr. 124.

tėlis teatras sutiko ilgomis ovacijomis⁷. Jis buvo pagerbtas ir stotyje: studentai latvių tautos dainių ant rankų nunešė į automobilį⁸. „Lietuvos žinios“ tą dieną (1924.VI.4, Nr. 125), kai buvo statoma J. Rainio pjesė, išspausdino jo kūrybos apžvalgą ir įdėjo portretą. Žiūrovams suprantama buvo ir Aspazijos „Vaidilutė“, kuriai medžiaga imta iš lietuvių praeities.

Recenzijose nors ir buvo pareikšta viena kita pastaba (esą, nesilaikoma kai kurių etnografinių smulkmenų, inscenizavimas stilizuotas), tačiau dramos poetiškumas, kurį puikiai atskleidė gabūs artistai, buvo įvertintas teigiamai⁹.

„Ryto“ korespondentas, apibendrindamas Latvijos Nacionalinio teatro gastroles Kaune, rašė: „Visų gastrolių metu lietuvių publika dideliu dėmesiu sekė latvių spektaklius ir jų pasisėkimas diena iš dienos didėjo. Ypač abu paskutiniuoju spektakliu pritraukė pilnutėlį teatrą publikos ir iššaukė karščiausių ovacijų. Tie visi spektakliai taip lietuvių publikai, taip ir latvių vaidiloms vaizdžiai parodė, koks didelis yra tarp tų dviejų tautų giminingumas, nes visa publika gražiai galėjo suprasti ne tik besivystančių veiksmų fabulą, bet visada reikiamai reagavo net į atskirus vaidilų posakius, taip kad latvių artistai sakėsi jaučiąs lyg vaidintų pas save Rygoje. Be to, publikos entuziazmas aiškių aiškiausiai parodė aukščiausio lietuvių tautos broliškumo jausmą latviams. Tasai entuziazmas pasiekė aukščiausių savo ribų per du paskutiniuoju spektakliu, būtent, kada per Rainio veikalo vaidinimą buvo viešas autoriaus pagerbimas ir kada per paskutinį spektaklį, atsisveikinant su svečiais menininkais, buvo pagerbtas Latvių Nacionalinis Teatras... Latvių teatras, kuris buvo atvažiavęs su savo dekoracijomis ir 70-čia žmonių, gražiai pasidarbavo Kaune, palikęs čia neišdildomų atminimų...“¹⁰.

Pirmosios gastrolės pavyko neblogai. Tuo buvo patenkinta lietuvių visuomenė, patenkinti ir artistai, ir, svarbiausia, pats K. Freinbergas. Laiške L. Girai, rašytame 1924.VI.9., jis džiaugiasi tuo pasisėkimu: „mūsiškiai važiovo gana nenorėdami, o dabar gyvena maloniais prisiminimais“ (14 laiškas). Po gastrolių K. Freinbergas paties leidžiamame ir redaguojamame žurnale „Teatro šaukiys“ („Teatra vėstnesis“, Nr. 1, 2, 3) daug vietos skyrė jų aprašymui, lietuvių spaudos atsiliepimams bei sveikinimams, kuriuos į latvių kalbą vertė Borisas Melngailis ir Justas Paleckis.

Lietuviai atsakomojo vizito negalėjo nuvykti į Latviją tais pačiais 1924 metais, nors ir ruošėsi. Rygoje gastroliavo tik 1929 m.

⁷ „Lietuva“, 1924.VI.4, Nr. 125, p. 7.

⁸ „Rytas“, 1924.VI.11, Nr. 130.

⁹ Ten pat, VII.1, Nr. 145; „Lietuva“, 1924. VI.5, Nr. 126, p. 7.

¹⁰ „Rytas“, 1924.VI.13, Nr. 132.

Pirmųjų latvių Nacionalinio teatro gastrolių organizatorius K. Freinbergas iki pat savo gyvenimo pabaigos išliko nuoširdus Lietuvos bičiulis. Ruošiantis publikuoti Respublikinės bibliotekos Rankraštyne saugomus jo laiškus, buvo užmegzti su juo ryšiai. K. Freinbergas mielai atsiuntė vieno L. Giros laiško nuorašą ir pluoštą savo atsiminimų apie šią teatro išvyką į Lietuvą šių eilučių autoriui.

K. Freinbergo laišakai L. Girai bei atsiminimai, taip pat L. Giros laiškas jam yra vertinga medžiaga lietuvių teatro kultūrinių ryšių istorijai. Čia atsiskleidžia visi organizaciniai ir kitoki sunkumai, apie kuriuos ano meto spauda, tur būt, nė nežinojo. Tuo pačiu dar kartą prisiminsime ir K. Freinbergą, kurio dėka ne viena lietuvių autorių pjesė (taip pat ir K. Binkio „Atžalynas“) išvydo rampos šviesą latvių nacionaliniame teatre.

Laiškai publikuojami ne visi, o tik tie, kurie turi neabejotiną išliekamąją vertę. Kituose septyniuose dažnai kartojami tie patys dalykai. Laiškai ir atsiminimai skelbiami originalo kalba, t. y. rusų kalba.

K. Freinbergo laišakai L. Girai

1

Рига, 23/X.1922

Многоуважаемый Господин Гира,

Было очень приятно обменяться с Вами телеграммами по поводу постановки «Блинда» на нашей сцене¹. Мы желали бы продолжать начатое дело ознакомления нашей публики с литовским драматическим творчеством, но здесь трудно получить литовские пьесы. Поэтому я просил бы Вас прислать нам, если возможно, те пьесы, которые считаются у Вас лучшими в литературном и сценическом отношениях. Со своей стороны я желал бы получить: 1) Vidunas „Amzinas ugnis“ (все части), 2) Putinas — „Valdovo sūnus“, 3) Maironis — „Keistučio mirtis“.

В местных литовских кругах поднят вопрос о гастрольных спектаклях нашего театра у Вас в Ковне. Мы делали бы это с удовольствием, если Вы не имеете ничего против этого. Мы ставили бы у Вас два, три спектакля — пьесы „Blinda“¹ и „Vaidelote“ Аспазии или „Krauklītis“ Райниса. Мы поехали бы со всей обстановкой. Ехать мы могли бы лучше

¹ Zemkalnio „Blinda“ buvo pastatyta Latvių nacionaliniame teatre 1922 m.

всего между 10—20 декабря. Точно также мы с удовольствием видели бы у себя, здесь в Риге, литовский ансамбль.

Буду ждать от Вас скорого ответа.

Примите уверение в совершенном почтении

К. Freinbergs,
драматург Латвийского Национального
Театра

Adr.: Rīgā, Latvijā,
Suvorova ielā,
Nr. 52, dz. 34.

2

Рига, 6/IV.1923

Многоуважаемый коллега,

Очень извиняюсь, что так долго не писал. Сначала я ждал обещанных Вами литовских пьес, чтобы заодно писать, но и Вы, вероятно, позабыли или не удалось раздобыть нужные книги¹. Кроме того сезонная работа слишком обильна и я не мог позаботиться, чтобы отослать Вам желательные фотографии и проч.,— одним словом стараюсь оправдать свое долгое молчание. Пишу опять, так как приближается май, и, вероятно, Ваш театр будет уже построен. Дело в том, что мы не отбросили мысли посетить Вас и дать у Вас два-три спектакля. Я полагаю, что это имело бы огромное значение для ознакомления и культурного сближения обоих народов. Если только Ваше общество желает таких гастролей и если нам удастся устроиться в техническом и проч. отношениях,— поездка состоится. Мы поехали бы к Вам, может быть, со следующим репертуаром: 1) «Иосиф и его братья» Райниса (сюжет знакомый и постановка, кажется, интересная), 2) «Весталка» („Vaidelote“) Аспазии (сюжет из литовской мифологии), 3) «Блинда» Жемкальна (если Вы пожелаете). Репертуар может еще меняться.

Напишите, пожалуйста, о Ваших желаниях и условиях и сообщите: 1) Возможны ли наши гастроли в Вашем новом театральном здании, 2) желательны ли наши спектакли литовской публике, 3) когда бы могли состояться наши спектакли (для нас удобнее всего в конце мая, начиная, скажем — с 27 числа).

Ваш ответ желательно получить скоро, еще до мая, потому что необходимы предварительные приготовления.

Во всяком случае примите сердечный привет и уверения в совершенном почтении

Ваш Kārlis Freinbergs
драматург Латвийского национального
театра

Adr.: Rīgā,
Suvorova ielā,
N 52, dz. 34.

3

Рига, 15/V.1924

Дорогой коллега,

Итак — решено окончательно ехать к Вам, несмотря на многие затруднения. — Нам всем необходим даровой проезд по Вашим железным дорогам — вследствие материальной стороны дела.

Каким образом получим мы визы?

Нам нужны будут музыканты для спектаклей (в составе по приложенному списку). Нанимите, пожалуйста, из музыкантов Вашей оперы.

Прилагаю текст для афиши. Переведите, пожалуйста, на литовский язык (с нужными дополнениями текста) и напечатайте и распространяйте. Все расходы на наш счет, конечно.

Мы прибудем к Вам 1 июня в наших же вагонах, которые останутся на месте на все время и в них большинство труппы будет и ночевать.

Декорации и проч. прибудут уже на день, на два раньше.

Репертуар мы несколько изменили: вместо „Indrani“ Блаумана поставили сказку Анны Бригадер „Maija un Paija“¹. Будет немного веселее. Сказка драматизированна по сказкам о падчерице и хозяйской дочери (сказки имеются и в Вашем фольклоре и будут знакомы и Вашей публике).

До приятного свидания.

Привет от нас всех. Ваш K. Freinbergs

¹ Ana Brigaderē (1861.X.1—1933.VI.25)—latvių rašytoja. Pjesė „Maija ir Paija“ parašyta 1921 m.

Рига, 23/V.1924

Дорогой коллега,

Весьма рад и благодарю Вас за Ваши заботы по поводу наших гастролей. У вас, конечно, много хлопот. Поездка и нам делает много забот. Мне самому приходится иногда чувствовать как Шиллеровскому Zauberlehrling'у: духи вызваны и приходится теперь с ними бороться. Но зато будет, я думаю, сделано хорошее культурное дело с обеих сторон в пользу общей дружбы наших народов. Мы могли бы все уже раньше подготовить, но только в самое последнее время мы могли установить, что поедем, и поэтому теперь приходится все делать спеша. Мы все делали на свой (т. е. театра) страх и риск, так как никаких безвозвратных пособий из-за обыкновенных бюджетных соображений не получаем.

Пояснения к письмам я уже написал раньше и г. Герутис из Литовского посольства взялся их перевести. Я получил уже «Иосифа» и, вероятно, завтра послезавтра придет и остальные. Будьте столь любезны закажите программы у Вас (там Вам можно будет наблюдать за корректурой).

Весьма жаль, что 1 июня нет у Вас музыки. Теперь необходимо перестановить спектакли: 1 июня — Майя и Пайя — А. Бригадер, 2 июня — Иосиф и его братья, 3 июня — Vaidelote Аспазии.

Очень хорошо было бы, если бы первым спектаклем могли ставить «Иосифа» (с нами, ведь, будет и автор — директор).

Аспазия не сможет поехать. Фотографии будут изготовлены под самый конец, поэтому собрали фотограф. материалы из наших старых витрин и посылаем их. Клише наскоро едва ли найдем.

Весьма благодарю за любезное приглашение быть Вашим гостем. Если мы, приезжие, не сможем как-нибудь устроиться совместно, то, конечно, буду Вас обременять и воспользуюсь Вашим дружеским гостеприимством.

А теперь — до приятного свидания.

Ваш К. Freinbergs

P. S. Визы мы здесь получим. Может быть, можете как-нибудь содействовать, чтобы мы могли получить даровые и от Вашего министерства иностр. дел (resp. здешнего посольства).

Рига, 27.V.1924

Дорогой коллега,

Из Риги выедем ночным поездом (23.30) сейчас после последнего спектакля — 31 мая. Будем у Вас 1 июня около полудня. Вечером спектакль: пьеса Бригадер «Майя и Пайя», 2 июня — «Прегрешения Тринны», комедия Р. Блаумана; 2 июня — «Иосиф и его братья», 4 июня — „Vaidelote“. Наши рабочие выедут уже 28.V. Обратно выедем сейчас после последнего спектакля.

До приятного свидания
Ваш К. Freinbergs

Рига, 27/V.1924

Дорогой коллега,

Телеграммы получил. Понедельник мы все-таки желаем использовать, и поэтому будем ставить в этот вечер «Прегрешения Тринны» (Trīnes grēki), шутка в 4 действиях Р. Блаумана. Это более старая пьеса, вроде народного фарса и будет своим юмором, может быть, приятной переменной в нашем репертуаре. Программу и краткие пояснения на русском языке pošлю Вам сегодня еще. Переводы пояснений остальных пьес посылаю вместе с этим письмом. Переводы я получил только сегодня, — поэтому так поздно.

Вчера послали Вам фотографии (делопроизводитель наш, оказывается, послал Вам в Театр; вероятно, не получите с опозданием).

С дружеским приветом
Ваш К. Freinbergs

В вагонах, 9/VI.1924

Дорогой коллега,

Нахожусь сейчас опять в пути — из Риги в Париж. Было опять много хлопот с визами и проч., так что не успел написать Вам из Риги. Телеграммой я уже поблагодарил Вас от имени всех нас, а теперь еще раз — большое спасибо за все хорошее. Мы уже постараемся, чтобы Вы могли столь же приятно жить у нас, когда приедете — надеюсь скоро — к нам на гастроли.

Поездка наша, кажется, действительно удалась хорошо. Я особенно рад, так как, ведь все это было по моей инициативе и вследствие моих усилий, при Вашем любезном содействии. Наши ехали довольно не хотя, а теперь живут в приятных воспоминаниях. Тем лучше!

Соберите, пожалуйста, теперь все газеты (с самого начала), в которых имеется что-нибудь про нашу поездку и пришлите возможно скорее. Пришлите и то на литовском и латышском языке, что Вы прочли на последнем нашем спектакле при чествовании нашего театра. Я выпущу целый номер своего „Teatra Vēstnesis“, посвященный этому историческому происшествию.

Вы хотели дать мне антологию литовской поэзии,— пришлите, если возможно. Я Вам пошлю свой маленький журнал поэзии „Lira“. Может быть, можно будет дать специальный номер литовских поэтов.

А теперь до приятного свидания. Привет Вашей любезной супруге и всем знакомым.

Ваш К. Freinbergs

Adr.: Rīgā,

Kr. Barona ielā, Nr. 52, dz. 34.

P. S. Также фотографии пришлите, самое лучшее, на мой адрес.

8

Рига, 7/VII.1924

Дорогой коллега,

Приехав из-за границы, я ничего не нашел дома от Вас. Между тем мне теперь весьма спешно нужны: наши фотографии (актеры требуют их обратно, так как у большинства они будто бы единственные образцы), газеты с отзывами (хорошими или плохими, все равно) и снимками, если имеются, фотографию Вашего театра, если имеете, и фотографию комитета, который нас встречал и во главе с Вами заботился о нас. Я хочу уже через 2 недели издать специальный номер „Teatra Vēstnesis“ о нашей поездке и материалы эти нужны были бы. Непременно пришлите и тот текст, который Вы прочли в последний вечер на сцене, когда подносились адреса. Интересным были бы и краткие заметки — впечатления с литовской стороны.

Сердечный привет Вам и Вашей супруге. Когда приедете к нам?

Ваш К. Фрейнбергс

L. Giros laiškas K. Freinbergui

(Skelbiamas iš kopijos, kurią K. Freinbergas atsiuntė publikacijos autoriui 1966.XI.20)

Многоуважаемый друг г. Freinbergs!

Приветствую Вас как друга, хотя и не имею удовольствия знать Вас лично. Но уже по Вашему первому письму заранее чувствую в Вас друга, как моего личного, так и руководимого мною Театра и уверен, что наши дружеские чувства с днем каждым и каждым письмом, и каждым новым таким завоеванием в светлых краях искусства будут лишь крепнуть и крепнуть.

Милое письмо Ваше от 23/X, Ваши дружеские предложения — мне и моим сотрудникам — неотразимо приятный сюрприз. Невыразимо прискорбно лишь то, что по злой воле рока, или точнее и обыденнее говоря, по воле строительного сумбура и беспорядков, которые царят уже три месяца в заново перестраиваемом нашем театре — где в одних и тех же тесных каморках и — канцелярия нашего театра, и контора ремонтной комиссии, и конторы строительных предприятий и — чуть ли не склады сломанного кирпича и снятых старых балок — письмо Ваше до вчерашнего дня преспокойно лежало какими-то судьбами из почты попав прямо в архив одной уже отошедшей на вечный упокой строительной фирмы — а дело было, видно, в том, что ко времени помеченным на конверте числам я был, кроме того, в отъезде и, повидимому, кто-нибудь из сердобольных строителей взялся было передать это письмо мне и «сохранить» его для этой цели. Но лучше позже, чем никогда. И я безмерно рад, что хотя и с таким опозданием, но все же имею возможность моим ответом навязать Вами столь любезно начатую связь дружеского сотрудничества в святом деле искусства наших театров. — Итак, дружеский и сердечный привет Вам, коллега Фрейнберг, столь же дружеский и сердечный привет и поклон мною лично и моими товарищами, любимому, хотя лично тоже еще незнакомому Директору Райнису — гордости Вашего, а тем же самым и нашего — братских народов. Привет уважаемому Вашему режиссеру г-ну Линде и всем художникам актерам Вашего Театра!

Гастроли Вашего Театра у нас в Ковне, я от имени нашего Театра могу лишь горячо приветствовать и от души желать возможно скорейшего их осуществления. Проект это превосходный и — скажу Вам — проект, о котором я и сам уже помышлял и мечтал. В этом деле мо-

жете полагаться на полнейшую мою готовность сделать все нужное и возможное для осуществления и успеха Ваших гастролей. Несколько озадачивать в настоящее время может нас лишь вопрос помещения. Дело в том, что уже с августа месяца наш театр, здание старого городского театра, единственное более менее приличное и подходящее место в Ковне для театральных спектаклей,— представляет собою вид полнейшего разрушения — перестраивается. Возможность начать в нем представления намечается не раньше марта-апреля месяцев. Поэтому наш Театр до половины ноября, равно как и Опера, бездействовал, т. е. занимался лишь внутренней своей работой — репетициями, подготовкой новых и обновкой старых пьес. Лишь с половины ноября мы получили возможность хоть как нибудь работать в очень примитивном рабочем театре при сталелитейных заводах Тильманса на окраине города, в предместье. Мы его тоже для этой цели отремонтировали, но не являемся полными его хозяевами, а снимаем лишь определенные дни в неделю (2 раза Опера, 2 раза — мы). В этом лишь «театре» Вы и могли бы гастролить, что было бы нам очень желательно, но вместе с тем было бы и больно совестно из-за Ковну. Было бы нам несоразмерно приятнее увидеть Вас уже в нашем собственном заново отремонтированном театре, который кстати сказать — если и не своим размером, но своими удобствами и — главное — устройством сцены будет уже достоин названия театра, т. к. при ремонте приняты во внимание все нужные усовершенствования сцены. На этой сцене мы Вас сумеем принять по-товарищески, и по-братски. Значит, приблизительно в апреле месяце. Но если Вы рискнули бы потесниться и у Тильманса — только меня известите, и я всегда готов оказать Вам свое содействие — театр Тильманса за Вами тоже обеспечен. Еще предполагается обновить у нас к Новому году один «Театр» — это помещение так называемого бывш. русского «Народного Дома» О-ва Трезвости, который сняли для любительских спектаклей Общества Стрелков (Šaulių Sąjunga), т. е. его Культурно-просветительная акция, которая преследуя цели возможно лучше поставить любительские спектакли своих довольно многочисленных отделов, имеет при себе т. наз. инструктора по худож. части, содержащего свою частную студию драмат. артиста г-на Вайчука. Но этот «Народн. Дом», и после произведенного ремонта, для гастролей и спектаклей настоящего театра годиться не будет. Есть еще Военный Клуб, но он тоже годится лишь для любительских спектаклей. — И так жду Вашего ответа на счет Ваших гастролей. Наш Театр со своей стороны с удовольствием ответит гастрольным ревизитом на

Ваш братский визит. Но мы сможем это сделать лишь к осени 1923 года.

Теперь, многоуважаемый коллега, еще у меня просьба к Вам. Вашу постановку «Блинды» я имел возможность видеть мимоходом по репродукциям в „Ilustrets Žurnals“. Но нам очень и очень желательно было бы заполучить для устраиваемого нашим Театром — театрального музея все снимки постановки «Блинды», какими быть может Вы располагаете. Если Вам будет желательно, помешу и в наших литовских журналах. Надеюсь, что не откажете в этой моей и всего нашего Театра просьбе. Просил бы тоже фотокарточки Вашей, Коллега, а также Дир. Райниса, режиссера г-на Линде, который, кажется, ставил «Блинду» и Ваших актеров. Я со своей стороны в самом кратком времени пришлю наши карточки и буду рад в обмен за снимки «Блинды» присылать Вам снимки с наших новых постановок.

Чуть было не забыл: у нас в этот четверг, 14 декабря, немалый сценический праздник: наш Театр чествует у себя столетнюю годовщину со дня рождения первого национального нашего драматурга Фрома Гужутиса и ставит — при торжестве подобающей обстановке его пьесу из крепостных времен „Romas ir muzikas“. По этому поводу послал сегодня телеграмму Вашему Театру. Из-за множества работ не успел раньше поставить Ваш Театр об этом в известность, хотя об этом и думал.

Требуемые книги в ближайших днях Вам вышлю.

А прогос: пришлите еще мне в наш театр. музей — афиши и программы «Блинды».

Остаюсь искренне дружеский Ваш

Л. Гира
Директор Литовск. Государств.
Драматического Театра

Мой адрес:

(пожалуйста пишите лучше на мой частный адрес, чтобы письмо опять не затерялось): Lietuva,
Kaunas, Duonelaičio g-vė 26, Liudas Gira.

(Iš 1966 m. lapkričio 20 d. laiško S. Skrodeniui)

(...) Когда т. Гира не ответил мне на мое первое письмо, я через несколько недель, желая выяснить причины молчания, снова обратился к нему, повторяя свое предложение о гастролях. Оказалось, что мое первое письмо пролежало все время в ремонтных помещениях Литовского Гос. театра. Этот, довольно долгий ремонт сильно помешал нашему общему делу дружбы и духовного сближения между нашими братскими народами. Затем, как видно из первого письма поэта-директора Гирь (...) он с настоящим рвением и воодушевлением старался поскорее устранить эту и другие помехи.

Помех, как видно из копий моих писем, было много, и я тоже испытывал вдоволь их неприятность. Даже под самый конец могло все рухнуть. Дело в том, что вследствие необходимости закончить у нас сезон достойным образом и чтобы в Каунасе ремонтные и прочие строительные дела могли завершиться как следует, мы решили дать гастрольные спектакли после сезона — с 1 по 5 июня. Но некоторые из главных артистов пожелали, чтобы гастроли были отложены, так как в течение сезона много поработали и скорее следовало бы отдыхать, а это могло бы тоже значить, что гастроли вообще были бы отброшены.

Когда от меня ничего не добились, недовольные обратились к директору Райнису. Райнис сам сочувствовал идее гастролей и попросил о моем мнении. Я ответил, что все для гастролей как у нас, так и в Каунасе улажено и устроено, так что об отсрочке не может быть и речи и даже стыдно говорить об этом и обратить хорошее прогрессивное и похвальное дело в пустые разговоры и что все задуманное является только началом большого дела сближения и дружбы народов. В результате было объявлено, что сезон удлинится на неделю за счет след. сезона и гастроли должны состояться. Весь коллектив, с которым я обыкновенно был в хороших отношениях, признал, что это правильно, и с большим воодушевлением заканчивал подготовительные работы.

Райнис был большим другом литовского народа, и хорошо было, что он в это время был директором Национального театра, — иной директор мог бы и не согласиться с предложением гастролей, так как они были связаны с известным риском и ответственностью. Я с Райнисом был в хороших отношениях и дружбе около 18 лет, начиная с того времени, когда он проживал еще в Швейцарии в политической

эмиграции, как активный участник революции 1905 года. Райнис отсюда присылал нам свои высоко-художественные пьесы для нашего прогрессивного, **знаменитого в то время «Нового Рижского театра»**, в котором я с 1912 года начал свою театральную деятельность как один из руководящих деятелей театра (литературно-художественный руководитель — драматург театра, член дирекции и редактор театрального журнала „Skatuve un Dzīve“). Дальше Райнис был среди главных сотрудников в основанных и отредактированных мною в течение времени довольно многих литературно-художественных и театральных журналов (из 7 их он успел сотрудничать в пяти). Его пьесы ставились потом в разное время: в новом Московском Латышском театре во время «беженских» лет Первой Мировой войны, далее в Советском Государственном Рабочем театре 1919 года в г. Риге, а потом в Латвийском Национальном театре, в которых во всех я состоял в свое время театр. драматургом. В течение этого времени мы сильно подружились, и Райнис обыкновенно доверял мне, хотя я и был сильно моложе его. Эта дружба пошла на пользу и моей инициативе гастролей в Каунас.

Большое значение имело и то, что директором Литовского Госуд. театра в то время был будущий народный поэт Литвы Л. Гира, горячий приверженец дружбы и совместной литературно-художественной культурной работы между нашими народами (это ясно видно и из его письма, а также из его Посвящения мне, копии которых посылаю теперь Вам¹).

Я с тов. Гирой подружился по настоящему. Жаль, что т. Гира скоро оставил свой пост директора Литовского театра, а Я. Райнис ушел уже в 1925 году из Национального театра. Оба они преждевременно умерли (Райнис уже в 1929 году). Я был загружен все время работой в театре и, как писатель, литературным трудом в своих журналах и других изданиях. (...)

(...) Для нас это было не только гастроли нашего театра, но и настоящий праздник. Радужная литовская общественность, литературный и художественный Каунас, в котором особенно выделялись — обаятельная чета тов. Л. Гиры и его супруги, артисты Литовской драмы и др. (особенно, насколько вспоминаются, тов. Вайнюнайте, Римайте, Кубертавичюс, Динейка, Даугуветис и многие другие), комитет приема во

¹ L. Gira, dovanodamas K. Freinbergui savo nuotrauką per gastroles Kaune, užrašė: „Mielajam Draugui Karliui Freinbergui, Latvių Nacion. Teatro dramaturgui-vedėjui, pirmųjų broliškojo Latvių Teatro gastrolių Kaunan organizatoriui — jo ir jo draugų viešnagėi Lietuvoje atsiminti skiria Liudas Gira, Lietuvos Valst. Dramos Teatro Direktorius. 4.VI.24“.

главе с т. Л. Гирой, благожелательные редакции газет и их сведущие сотрудники, и, конечно, дружелюбно и прогрессивно настроенная интеллигентная театральная публика, которая проявила хороший вкус и понимание наших спектаклей,— все это содействовало празднику дружбы двух наших братских народов. Среди рижской литовской общности как активно способствующего прогрессивной идее дружбы наших народов особенно хочется упомянуть тов. Ю. Палецкиса (впоследствии Председателя Президиума Верховного Совета Литвы).

Гастроли прошли удачно, постановки были приняты сердечно. В театре особенно чествовали нашего Я. Райниса как великого Латышского поэта, автора высоко-художественной и идейной пьесы «Иосиф и его братья», прогрессивного политического деятеля и директора театра. Райнису поднесли дружественные адреса. Такие адреса были поднесены и всему коллективу Латв. Нац. театра.

Гастроли имели большое значение для обоих народов. Они усилили прогрессивные тенденции развития дружбы и культурного сближения их, а также способствовали развитию литературной и художественной жизни обоих народов. Все это следует признать как прогрессивное явление своего времени и как культурное наследие наших народов также для нашего Советского времени, когда уже находимся, живем и работаем в одной общей семье социалистических народов, строящих социализм и коммунизм в нашем общем великом Советском Союзе. (...)

ИЗ ЛИТОВСКО-ЛАТЫШСКИХ ТЕАТРАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

Стасис СКРОДЯНИС

Резюме

Публикуются письма и воспоминания деятеля латышской культуры и литератора Карла Фрейнберга (31.VII.1884—27.XI.1967). Его письма литовскому писателю Людасу Гире от 1922—1924 гг. содержат интересный материал о начале содружества литовских и латышских театров, о подготовке к первым гастролям латышского Национального театра в Литве. Гастроли состоялись в 1924 г. и прошли с большим успехом. В этом большая заслуга К. Фрейнберга и директора Латышского Национального театра Яниса Райниса.

ON LITHUANIAN LATVIAN THEATRICAL RELATIONS

Stasys SKRODENIS

Summary

There are published letters and memoirs of the Latvian cultural worker and writer Kārlis Freinbergs (1884—1967). In his letters to Lithuanian writer Liudas Gira written in 1922—24 one can find the material of a great interest on the beginning of collaboration of Lithuanian and Latvian theatres, on Latvian National Theatre's preparation for the first tour in Lithuania. The tour took place in 1924 and was a great success. K. Freinbergs and Jānis Rainis, the Director of Latvian National Theatre, had done great services to it.